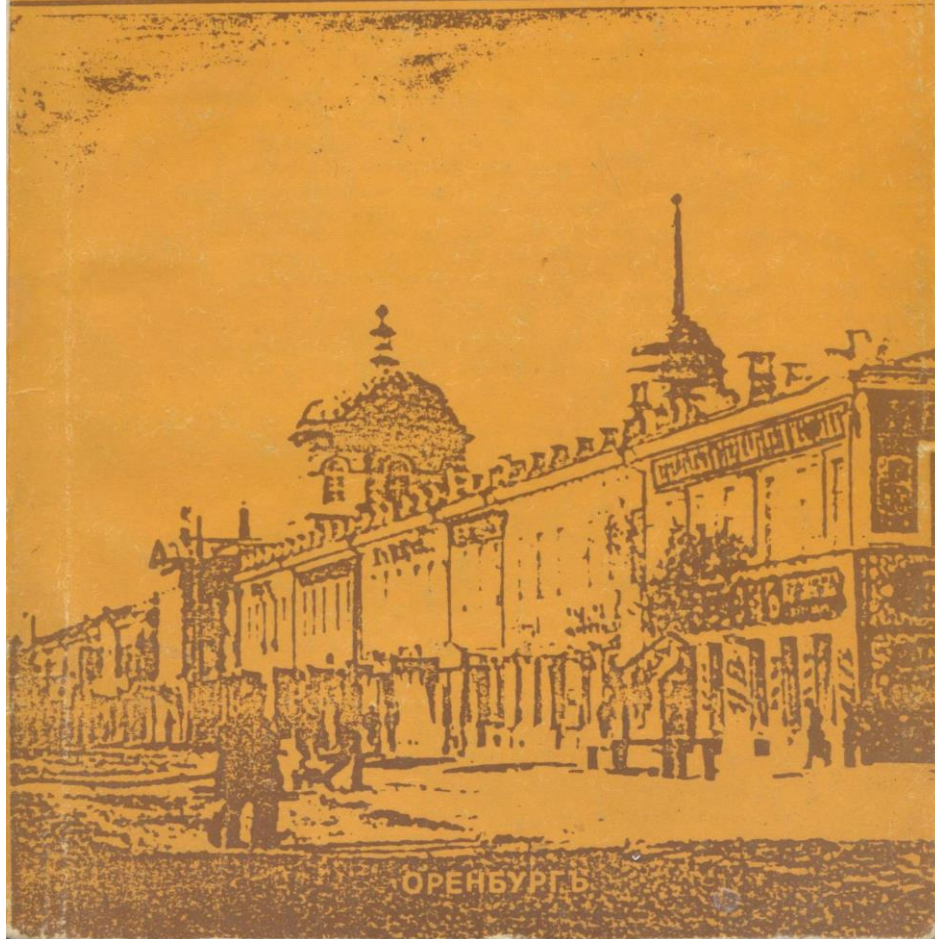

ГОСТИНЫЙ ДВОР

1-95

ГОСТИНЫЙ ДВОР

1/1995

Литературно-художественный и общественно-политический альманах

Оренбургъ.

Издательство
"ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ"
Калуга 1995

	Валентина Торукало. Время - самый честный человек!	10
Проза и поэзия	Петр Краснов. Последний октябрь	17
	Стихи по кругу: Г.Грибанова, Н.Лукиянова, А.Мелешко, Е.Пудовкина, И.Бехтерев, Н.Волженцев, В.Демури, И.Малов, В.Напольнов, Ю.Орябинский, Н.Пашков, П.Рыков	33
	Ядгар Харасов. Три этюда	40
	Юрий Мещанинов. Сватовство. <i>Повесть</i>	41
	Владимир Петров. Изба. <i>Рассказ</i>	96
Время действия	Владимир Курушкин. Стихи	66
	Николай Кореунов. Предательство. <i>Размышления по поводу и без него</i>	69
	Федор Подольских. Мы за ценой не постоим?	78
	Анкета «Гостиного Двора»: В.Волков, В.Кожеников, В.Прудников, В.Пузин, П.Рыков	83
Личное мнение	Владимир Одноралов. Два полуса смеха. <i>Трагедия</i>	101
Оренбургская диаспора	Владимир Яницкий. В подвале. <i>Главы из юности "Зона..."</i>	108
В зеркале истории	Юрий Зобов. «Очерки Оренбургской старины»	130
	В.И.Даль и Оренбургский край. <i>Публикация А.Прокофьевой</i>	140
	А.П.Кузнецов. Свадьба в Оренбургском уезде	150
Казачья линия	Н.Степной. Два бугра. <i>Из легенд оренбургских казаков</i>	160
Культурный слой	Владимир Семенов. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904-1905 гг.	167
	Агния Ханжанина. Политика меня мало интересовала. <i>Воспоминания</i>	175
	Татьяна Текутьева. Не надо ждать милостей от Москвы	184
	Галерея галерей. <i>Ф.Хаялина</i>	188
Уральские диловинки	Валерий Кузнецов. «Спасибо за Ваши сердечные пожелания»	190
	Место эвакуации - Чкаловская область. <i>Т.Судоргина</i>	192
Каменные летописи	Грязь - наше богатство! <i>Г.Десятков</i>	198
	Об орской яшме с любовью. <i>Т.Савинова</i>	198
Евразия	Станислав Смирнов. Анализ стилей и направлений архитектурного наследия исторического Оренбурга	205
	На границе Европы и Азии. <i>А.Чибилев, Д.Сафонов, Ф.Мельков</i>	234
	«Мисс Модель-94»	240

Владимир Семенов

Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904-1905 гг.

90 лет отделяют нас от забытой и во многом искаженной отечественной историографией русско-японской войны 1904-1905 годов. Война эта оставила не только вальс «На сопках Маньжурии» и песню о героической гибели «Варяга», не только романы «Дусима» и «Порт-Артур». Да, в этой войне русская армия сполна испила горечь поражения. И все же тысячи ее офицеров и солдат явили примеры самопожертвования, мужества и отваги.

С достоинством пронесли синие свои знамена и оренбургские казаки. Их мужество и героизм на этой войне отмечены многочисленными наградами. Так, артиллерист подполковник М.Ханжин получил орден Святого Георгия 4 степени, генерал-майоры Греков и Толмачев, полковники Гурьев, Николаев, Бычков, Волжин, Михайлов, Краснокутский и Нелобин - золотые шапки с надписью «За храбрость», а казаки Воронжев и Резанов - по три знака отличия военного ордена (с 1913 г. называемые Георгиевскими крестами). Казаки 1-го, 11-го и 12-го Оренбургских казачьих полков удостоились знаков отличия на головные уборы - «За отличие в войну с Японией в 1904-1905 гг.».

А началась для них война так: 28 января 1904 года заседание Оренбургской думы прервала правительственная телеграмма - Япония напала на Россию. 7 февраля последовало Высочайшее повеление о мобилизации Оренбургской льготной казачьей дивизии в составе 9-го, 10-го, 11-го и 12-го полков. Затем поступил приказ Военного министра генерал-адъютанта Куропаткина...

Известие о начале войны с Японией вызвало у оренбургских казаков горячий патриотический отклик¹. Казак Михайловской станицы Василий Пleshков вспоминал о своем предмобилизационном настроении: «А я не могу дожидаться этого дня, сердце мое разрывается, не терпит - охота на войну ехать. Когда пришла бумага выходить в поход, я думаю: вот доеду до япошки и сразу оторву ему ножки». Оренбургская казачка Анна Кожанова также пожелала отправиться на войну с оружием в руках. Она подала прошение о зачислении ее казаком в полк и обязалась отправиться на собственном коне, стоявшем в то время около 200 рублей, приняла участие в недельных учебных сборах под Верхнеуральском. Как сложилась судьба этой кавалерист-девицы, пока не установлено.

После медицинского осмотра и молебна в церкви казаки отправлялись на сборные пункты, где в течение недели проводились учения и комплектование полков. Многие старые казаки-георгиевские кавалеры, например, Д.П.Пастухов, обиделись, когда узнали, что им придется «остаться сидеть на печи с бабами». После некоторых колебаний начальства, были мобилизованы и они.

10 и 16 апреля в Оренбурге на железнодорожном вокзале состоялся

Оренбургские казаки перед отправкой на Дальний Восток. 1904 г.

проводы уходящим на войну офицерам. 25 апреля вместе с 10-м армейским корпусом из Киевского военного округа отправился на Дальний Восток 1-й Оренбургский (первоочередной) казачий полк под командованием полковника Николаева. А всего в апреле 1904 года на фронт было отправлено (с учетом пополнения для частей, находившихся на Дальнем Востоке) около 250 офицеров и 4700 нижних чинов из Оренбургского казачьего войска. В последующем для пополнения потерь на театре военных действий отправилось еще 297 оренбургских казаков.

Отбыли на фронт и десять сестер милосердия: Дегтярева, Говорухина, Самыкина, другие. Всего же на японской войне находилось 70 сестер милосердия из Оренбуржья, многие из которых были казачками.

Оренбургская казачья дивизия насчитывала в своем составе 109 офицеров, 2979 строевых и 385 нестроевых нижних чинов. Командование дивизией было поручено бывшему начальнику 2-го Оренбургского казачьего полка (О.к.п.) генерал-майору В.П.Грекову. В первых числах мая 1904 года, после недолгих, но торжественных проводов, дивизия отправилась на Дальний Восток. Вслед за оренбуржцами следовала Уральская казачья бригада.

В этой войне оренбургским казакам предстояло впервые сражаться в составе своей казачьей дивизии (в предыдущих войнах участвовали только отдельные полки и сотни). Однако, еще не прибыв на место, приказом генерала Куропаткина дивизия была разделена. По плану военных действий, Уральской казачьей бригаде предстояло находиться в Приморье и охранять подступы к Владивостоку. Однако Куропаткину захотелось иметь на театре военных действий Уральскую казачью бригаду, и он принял решение направить в Приморье вместо уральцев 9-й Оренбургский казачий полк. В полном составе Оренбургская казачья дивизия соединилась только после войны.

Первыми в район сосредоточения (станция Ташичао) прибыли сотни

11-го О.к.п. под командованием войскового старшины Гурьева - 31 мая 1904 г. Через два дня сюда же прибыл 12-й О.к.п. под командованием войскового старшины Бычкова. 10-й О.к.п. под командованием подполковника Волжина высадился в г.Мукдене 1 июня.

Сразу же по прибытии 2-я бригада (11-й и 12-й О.к.п.) поступила в распоряжение отряда генерала Мищенко. В составе этого отряда оренбургские казаки участвовали в кровопролитных боях под Вафантоу. О действиях оренбуржцев в отряде Мищенко сохранилось такое свидетельство: «Другой раз, под вечер, Мищенко приказал собрать оренбургские казачьи сотни, рассыпанные в лешем порядке в стрелковой цепи, с утра находившиеся в бою. Когда приказание было исполнено, что заняло довольно много времени в виду значительного удаления коноводов, Мищенко посмотрел на часы и сказал: «Долго возгитесь. Поздно! Уже семь часов, а то бы приказал вам идти в атаку на батареи». Между тем, сотни без отдыха пробыли в бою почти 15 часов подряд».

В первых боях оренбургские казаки понесли значительные потери. Так, 9 июня 1904 года разъезд 12-го О.к.п. в составе 22 человек попал в горах в плен к неприятелю. Причиной случившегося была слабая разведка и недооценка противника. Через десять дней попал в засаду разъезд вахмистра Туранина².

Но и курьезы порой случались. «Едем мы в разведку и встречаем японцев: нас было семь человек, японцев - восемь человек. Мы их прижали, у японцев патронов не было, и у нас тоже; и мы начали между собою браниться, они нам на вопросы отвечали по-русски и нас ругали: что вы гоняете нас палками, разве мы собаки; у нас только ребятишки с палками за собаками бегают, как вы за нами. Счастлив их бог, что пехота японская подоспела, а то бы мы им дали пиками», - вспоминал один из участников войны.

Многие дореволюционные историки объясняют причины поражения русской армии в июне 1904 года неудачными действиями конницы: «Свои грехи в области разведки конница не исправляла и работой на поле сражения, она не задержала развития неприятелем обхода боем в смешанном строю и ушла с утра из районов боевых действий».

В июле 1904 года оренбургские казачьи полки были распределены в Маньжурской армии следующим образом: 11-й О.к.п. в 4-м Сибирском корпусе, 1-й О.к.п. в 10-м армейском корпусе, 12-й О.к.п. в 17-м армейском корпусе. Только перед сражением у реки Шахе оренбургским казакам 11-го и 12-го полков удалось вновь соединиться в составе оренбургской казачьей бригады под командованием генерал-майора В.П.Грекова. Бригаде было поручено охранять правый фланг нашей армии.

В сентябре в боевых действиях наступил перерыв. Войска проводили разведку и готовились к новым боям. Вот как выглядели оренбургские казаки по свидетельству П.Краснова: «Первоочередные казаки 1-го Оренбургского казачьего войска радуют сердце своим отличным воинским видом. Здесь чисто, стрижены хорошо, даже справа по-донскому есть подвиготой чуб, одноформенные серые рубашки, чисто выстиранные шаровары умело пригнаны, набор чистый, лошади в порядке, видна чья-то твердая рука, что, несмотря на боевые невзгоды, не позволила раскисать и распускаться. Здесь нет этого глупого ответа: «понимаю», когда парень, видно, ничего не понимает, а повторяют приказ толково: хорошо, скажут: «Дозвольте идти», и пошли исполнять приказание. Эти и разведку как-то точ-

Подпоручик С. Карташев (1877-1921)
из станицы Городищенская
Оренбургского казачьего войска, полный
Георгиевский кавалер, ветеран русско-
японской войны

переведен 10-й О.к.п. В феврале 1905 года Оренбургская казачья бригада перестала существовать как самостоятельная боевая единица. Она была разделена в качестве корпусной кавалерии и использовалась для охраны штабов и для связи.

За все время русско-японской войны не произошло сколько-нибудь значительных сражений между кавалерийскими соединениями. И хотя русская конница была представлена значительным числом соединений (18 эскадронов и 162 сотни), свои традиционные боевые качества - мобильность, маневренность - ни казачьи, ни кавалерийские части показать в полной мере не смогли. Это прежде всего объясняется гористым характером местности. Но и казаки, опасаясь пулеметного огня, спешили при встречах с противником, что было на руку хорошо подготовленным японским пехотным частям. Кроме того, все казачьи дивизии, прибыв на фронт, сразу же дробились и использовались в основном для вспомогательных операций. А Оренбургская казачья дивизия оказалась расчлененной еще до прибытия на Дальний Восток.

О характере использования русской конницы наглядно свидетельствует Наставление войскам Главной позиции от 4 сентября 1904 г.:

«Конные отряды, прикрывая при отходе фланги авангардов, должны усилить всеми мерами разведку противника как на фланге, так и на фронте, не исключая действия в тылу наступающему противнику, памятуя, что

нее делают. Пишут не только где неприятеля нет, а стараются указать, где есть».

Интересной страницей русско-японской войны стали дерзкие партизанские рейды по тылам японской армии. 18 декабря 1904 года хорунжий 11-го О.к.п. Замятин с отрядом из 28 казаков и 5 урядников двинулся вглубь японских позиций. Углубившись почти на 100 километров, казаки совершили налет на японский обоз из более чем ста повозок под охраной японских кавалеристов. Налет был стремителен, не ожидавший нападения противник бежал, а обоз через несколько минут перестал существовать. Казаки захватили важные документы и, уничтожив по пути несколько складов фуража и разрушив несколько участков телефонной и телеграфной линий, через 10 суток вернулись без потерь в свой полк.

28 октября 1904 года была сформирована 3-я Маньжурская армия, в нее вошли 2-я Оренбургская казачья бригада и 1-й О.к.п. 23 ноября из 3-й армии во 2-ю были переведены 2-я Оренбургская казачья бригада и 1-й О.к.п., а в 3-ю армию

уйти конница сможет всегда, а своевременно поддержать или облегчить действия своей пехоты - славная заслуга кавалерийского начальства. Уходить на правый берег коннице не следует, а надо лишь тщательно изучить реку, пометить себе броды или пункты для переправы вплавь. Коннице с отходом к Мукдену следует задержаться на флангах нашего района...

Командир 17 армейского корпуса генерал от кавалерии Бильдерлинг».

Этот документ наглядно демонстрирует полководческие способности командования армии. Все содержащиеся в нем рекомендации ориентированы на отход. Между тем, конница всегда результативнее действует не в обороне, а в наступлении.

26 ноября 1905 года была объявлена Высочайшая благодарность всем казакам за их самоотверженную службу царю и Родине на войне и поддержание порядка внутри Империи, а через месяц, в конце декабря, началась отправка казачьих полков домой.

Но это была не последняя война для казаков, и боевой опыт, который они приобрели в ходе этой отнюдь не победоносной войны (не по их вине), они с честью применили на полях Первой мировой.

Примечания

Приводим текст песни, сложенной ветеринарным фельдшером 9-го О.к.п. Семеном Поповым и помещенной в «Оренбургской газете» 5 августа 1905 г. Позже эта газета станет регулярно публиковать письма офицеров и казаков с фронта, списки награжденных и списки погибших.

Песня оренбургских казаков

О, родная страна,
Ты могуча, сильна,
То враги твои исстари знают.
Много верных сынов,
Пограничных орлов,
Милой родины честь охраняют.
Батальоны, полки
Дружно грянули в штыки,
По велению Монарха готовы.
Им кровавая сечь,
Пули, ядра, картечь
И лихие атаки не новы.
От сибирских лесов
До морских берегов -
Наподобье железной ограды.
Через горы, кусты
Растворились посты
Казаков оренбургской бригады.

Охраняют они
Ночи целье, дни
Путь к морским берегам от японца.
Он незваным пришел
И войска к нам привел
Из страны «Восходящего солнца».
Из-за сопок крутых,
Неотвязных и злых,
Мы японцев встречали атаки.
Будут помнить они,
Как в недавние дни
С ними резались лихо казаки.
После долгой борьбы
По велению судьбы
Наши армии Мукден отдали.
Груды вражеских костей
Стаи хищных зверей
После этого боя глодали.
Неудачи в войне
Всем понятны вполне...
Но от этого Русь не слабеет.
От подобных побед,
И урона, и бед
Супостат наш не мало имеет.
О, родная страна!
Ты проснешься ото сна
И, собравшись с новым силой,
Через горы шагнешь
И японцев сомнешь:
Им Маньжуря станет могилой!

²Эти и другие боевые эпизоды взяты из книги «Отголоски русско-японской войны 1904-1905 гг.», вышедшей в Казани в 1914 году и рассказывающей о работе Челябинского военного госпиталя. Особую ценность этой книге придают воспоминания рядовых участников «японской» войны, записанные с их слов. Ниже мы целиком приводим воспоминания старшего урядника Оренбургского казачьего войска Николая Петухова, помещенные в упомянутых «Отголосках...».

«Кто не испытал и не прожил казачьей жизни, тот не может говорить, что казаку очень легко жить. Нет, наоборот, казачья жизнь нелегка. Рассуждают так: «У казаков много земли, вот им и хорошо». А как много? По пятнадцать десятин на душу; да еще и оплачиваем ее ежегодно по несколько копеек за десятину, а если ее купить, так она стоит у нас только сорок или пятьдесят копеек десятина. А того не рассудят, что если есть у казака три или пять сыновей, так они каждый идет на военную службу, и каждому надо строевого коня, все обмундирование и конское снаряжение, так что нужно иметь более двухсот рублей. Вот и жинни, не тужи. Хорошо тому, который зажиточного состояния, он уплатит своевременно за все обмундирование и заведет строевого коня, а который бедного состояния, того обмундирует общество и проводит на службу. Три с половиною года, - и придет на родину, то должен уплатить свой общественный долг за обмундирование, и обрабатывать землю до конца своей жизни, а кому - Богом суждено и царем-батюшкой определено. Так и жини, так и пользуйся».

В 1877 и 1878 году была русско-турецкая война. Отец мой по случаю мобилизации ушел на войну, а я остался двухлетним ребенком. Когда война кончилась, отец мой по милости Божьей и Покрова Пресвятой Богородицы возвратился на родину жив и невредим и принял за улучшение жизни и воспитание детей. Когда мне исполнилось десять лет, меня взяли в школу, где мне было нетрудно, благодаря нашему благоразумному учителю Михаилу Осиповичу. На второй год я получил от наказного атамана Ершова награду, книгу Географии. После этого мне еще радостнее стало заниматься. Через четыре года я кончил курс и получил от наблюдавшего за школами

сотника Иванова награду: похвальный лист и Святое Евангелие за отличное учение и знание грамоты. Я опять начал помогать отцу в работе, но недолго пришлось работать. В 1892 году вышел из школы, а в 1896 году призвали принять присягу для несения строевой службы.

В 1898 году я пошел в лагерь для обучения строевому делу и для прохождения стрельбы, и тут же в лагере получил жребий в 3-й полк Оренбургского казачьего войска. В 1899 году я ушел в Польшу для несения службы на австрийскую границу. Мне и тут было нетрудно. Пословица говорит: «За Богом молтва, за царем служба никогда не пропадают». На первом же году командир сотни Василий Николаевич Епанчиков проводил в учебную команду. Здесь трудновато было, но Господь помог мне. В команде шесть месяцев. Служба и наука у меня пошли хорошо, и я сдал экзамен вторым по 1-му разряду.

Через неделю произошел приказные, а потом в урядники, на последнем году - в старшие урядники и принял взвод казаков. Тут работы побольше, потому что взвод на руках. Но Господь помог, дослужил и строевую службу.

В 1902 году я возвратился на родину, в дом родной своей семьи, очень радостно было встретиться с родителями. После четырех лет несения службы начали в покое ночевать да хозяйство поправлять. И в голове не было, что кто-нибудь или что может нарушить домашнее спокойствие, веселой и радостной жизни нашей семьи. Но недолго пришлось наслаждаться и радостно жить. Завистник злой японец, не объявля матушке России войну, в ночь на 27 января 1904 напал на русские форты. Разбил их, разграбил, а пленных взял с собой в Японию. И так нарушил в России тишину и покой. Быстро-быстро пронеслись по матушке России печальные слова: «Война, война». На улице стекаются толпами старые и малые и толкуют о войне. Приезжает к нам в станцию войсковой старшина А.Н. Михайлов, собрал нас всех и говорит громким голосом своим: «Братцы, нам предстоит великое дело, которое нужно выполнить так, как выполняли наши деды и отцы. Возлагает на нас государь-батюшка великую геройскую службу, оренбургских казаков с надеждой посылает послужить боевую службу и чтобы быть нам на военном поле перед грудью врага. Нам нужно теперь же хо-

ропных коней завести и оправить свое оружие. А когда нам наступит день отправляться на Дальний Восток, тогда некогда готовить!».

16 апреля 1904 года по хutorам и поселкам быстро промчался всадник верхом с высоко бьющимся красным флагом над головой, означающим мобилизацию и быстрый сбор. 17-го числа нас осмотрели старшие отслужил молебн и на поход в ради крестом. После этого мы прибыли на сборный пункт в поселке Клястицкий ключ, где сформировали из нас полк, который принял войсковой старшина Бычков? Здесь нас разбили по сотням. Я был во 2-й сотне. Славный старичок Дмитрий Петрович Пастухов, командир 2-й сотни, обратился с нами, как с детьми. Шесть суток мы пробыли на сборном пункте, потом выслушали на площади молебн. Очень хорошо угощенные троицкими купцами, получивши по освещенной просвирке и по образку от матушки игуменьи Троицкого женского монастыря, мы отправились в поход на станцию Челябинск. 6 мая отправились в добрый путь на Дальний Восток. Было очень трудно расставаться с родной стороной. Плачут отцы, матери, жены и дети, а кондуктор подает свисток машинисту и с досадой кричит: «Отходи от вагона, а то задавят!» Но вот три звонка уже было, поезд со станции пошел - и осталась родная сторона. Конечно, я на первых станциях и сам плакал, и думал о родной стороне и радостной семье. Но когда подальше отехали, тогда забылась родимая сторона, и я стал думать о Дальнем Востоке и о войне.

Вот проехали обширную Сибирь, потянулась Забайкальская область, вот скоро озеро Байкал, говорят, очень большое. И действительно, тянется оно в длину среди высоких гор на несколько сот верст. Мы предполагали, что пройдем на лодках через Байкал, но нет, не пришлось, а пришлось идти и пробиваться по горам вокруг Байкала. Здесь мы вспомнили родную сторону. Пошли сильные дожди, и было очень холодно. Хотя трудно было, Господь помог нам перейти вокруг Байкала, и мы даже не думали о том, что труды и нужды еще будут впереди.

Обойдя Байкал, мы снова сели на машину и поехали вперед. Вот станция Маньчун, наполненная китайцами. Жара, духота и смрад от этих скверных и неопытных китайцев. Боже мой! Здесь от скверного воздуха можно умереть. А вот

и город Харбин, разукрашенный железнодорожными постройками, и вокзал, заваленный разными припасами. Бог мой! Сколько тут навезено всего. Тут мы увидели своих поселочников и станичников. Оренбургские казаки пограничные стражи: охраняют железную дорогу. Они нас встретили приветливым словом, пожелали всего хорошего в бою и проводили далее. Вот проехали мы Мукден, вот Ляоян, вот уж скоро Хайчен и станция Дашичао, где мы 1 мая слезли с машины и где командир сотни сказал: «Вот, братцы, доехали».

2 июня откомандировались в отряд г.Мищенко и начали участвовать в легоньких боях. Сначала было жутко быть под непрерывным огнем, потом уже посмелее стали и не так боялись. Но тут уже жаркое дело. 9 июня развед 1-й сотни поехал на разведку и в горах целиком 22 человека попали в плен. Нам жалко стало братьев, но на то Божья воля. Все может случиться с нами, и от этого помидуй нас, Господь и закрой Царица мать своим Покровом, как детей, от вражьих пуль и плена.

Да, трудно нам в горах было действовать: были и холодные, и голодные, как сами, так и кони, по несколько суток. А командир нас утешает: «Терпите, братцы, и переносите все с мужеством, и неприятно ведь нелегко».

Утром 19 июня наши войска начали отступать за Долинский перевал. После отступления нам было приказано занять старые места. Из нашей сотни было выслано вперед три разезда по пятнадцать человек, а японцы шли за нами и образовали в горах засаду. Левофланговому разезду пришлось пострадать, и их старшему, вахмистру Турашину, тоже. Когда два младших урядника и тринадцать казаков проехали первый и второй из трех перевалов, то заехали в ущелье, и японцы с гор накрыли их, как рябков шатром: открыли ружейный и пулеметный огонь по разездам, и они в горах мялись кругом, как в котле. Трудно пришлось нашим братьям. Троиц убили на месте, Дмитрий Вогов и Петр Прокотьев живые, но тяжело раненные, взяты в плен, а остальные, хотя были тяжело раненные, но спаслись. Урядник Данетов ранен в коленку и шею, а некоторые сильно раненные выползли ползком, потому что их лошади были убиты. Здесь им много пришлось пострадать.

Несмотря на невыносимую летнюю

жару, бывало, день-деньской ползаем по горам и следим за японцами, как зверь хищный за добычей. Был я в славных боях у Дашичао, в Долинском перевале и у города Хайчена, и видел, как летели пули, гранаты выли, шрапнель рвалась наверху, а шимозы землю рыли так, что пыль столбом идет. Господь милосердный нас хранил, и все это было нам ни по чем. Затем последовал сильный Ляоянский шестидневный бой. Вот где было слез и горя. Многие плавали в крови, ежеминутно гремели тяжелые орудия, от грома которых тряслась земля. Русские действовали важно, а японцы стояли, как стена. Но как стали малы наши силы, так японцы нас побили и Ляоян город отбили. Когда русские отступали, тогда нам было плохо. Мы оставались в прикритиях и разведках - наши кони истомились, сами все изморились. Но всё Бог нам помог.

Вот новое дело. Бой горячий на реке Шоке. Тут пришлось мне очень трудно, пришлось быть в боевой разведке и на глазах отца-командира рисковать жизнью своею. Но за верную ту службу меня помиловал Господь. Шесть раз меня с ног сшибало сильным воздухом шимозы. Получил я тут удар в веке для жизни своей; от разрыва шрапнели оглушили меня, а в левом ухе лопнула барабанная перепонка. Мне стало очень страшно выполнять святое дело, но на все Божья воля и надо выполнять службу. И Господь помог - ее исполнил с успехом. За славное дело я получил орден 4 степени.

Стало тихо и смиренно; пошли осенние дожди и холода. Спокойно пошла сторожевая служба, часто были в обстрелах на постах, ходили охотой в неприятельскую сторону для разведки. Я охотой был три раза под Сандепу. Эки задачи удалось выполнить удачно, а третью задачу - взорвать железную дорогу - не было возможности. Стыдно мне было не исполнить долга святого, но ничего не поделаешь. Нам нужно было переправиться впасть через две реки - Хуанху и Шоке, а они от берегов замерзли, а середина - нет; ночи ноябрьские холодные.

Четвертое дело был ночной набег на заставу и захват живых японцев. Это удалось нам хорошо. Мы поймали пятерых японцев, семерых изрубил пашками, и одиннадцать лошадей привели, за что получили от главнокомандующего Куропаткина благодарности и денежные награды, а за первые два подвига я пред-

ставлен к ордену 3-й степени. Этим и кончается моя разведочная служба.

30 ноября мы поступили в конвой к командиру 2-й армии Гринненбергу и были у него в бою под Сандепу. Трудно было терпеть: трое суток мы были без горячей пищи и ночи спали на снегу, тут я потерял навеки свое здоровье, простудивши груди. Картина было ужасная, мы все время на позиции; раненые, не находя никакой помощи и заботы, умирали от холода на снегу, горячая кровь лавами замерзала, мертвые тела не собирались. Жалко было защитников Родины святой, погибло до десяти тысяч. После боя, по слухам от китайцев, японцы все наши мертвые тела сожгли. Вот им и все похороны. 15 января г.Гринненберг бросил свою армию и уехал в Россию. 2-я армия осталась как стадо без пастыря. При новом командире Мылове пошли беспорядки. Во время Мукденской сражения г.Мылов передал армию г.фон дер Лауницу. Он был крабрый старик и боевой генерал, дело шло хорошо. Но во время страшного боя заболел. В сильный пятнадцатисуточный Мукденский бой к нам прибыл новый командир - храбрый белый генерал барон Каульбарс. Нашей армии по случаю беспорядков пришлось потерпеть поражение. Но еще Божья милость, как пришлось нам тут спастись. Горькая и безотрадная моя участь была в Мукденском бою. Я и десять казаков при командире Каульбарсе находились на снегу под открытым небом, без горячей пищи и без подкрепления сном, все время на коне и на ногах. Ежеминутно гремели тяжелые орудия, день и ночь тряслась земля, горячая кровь текла ручьем и замерзала. Убитые солдаты валялись, как обрубки дерева - где руки, где ноги, где туловища, а где головы. Ужасная картина. Тут погибло около ста тысяч, а животных неисчислимо. Если описать весь бой, то будет целая история.

После этого мое здоровье расстроилось еще хуже, и я 17 мая уехал в госпиталь, покинув на окраине далекой своих верных боевых товарищей, драгоценного коня. Жалко было расставаться с верным другом; на прощанье я поблагодарил его за верную службу, низко поклонился коню в ноги и скормил ему кусочек сахара. Бедное и разумное животное умилненным взглядом смотрит на меня, точно знает, что я покидаю его. Я с грустью на сердце и со слезами на глазах отошел от верного, любимого коня...»

Агния Ханжина

Политика меня мало интересовала

Воспоминания

О нашем земляке, уроженце станицы Степной Оренбургского казачьего войска Михаиле Васильевиче Ханжине (1871-1961) написано немного. Хотя в любом сколько-нибудь серьезном исследовании по истории гражданской войны на Урале в ряду самых видных деятелей белого движения будет непременно упомянут и генерал-лейтенант Ханжин - сначала командующий Западной армией Колчака, затем военный министр в его правительстве. Но участие М.В.Ханжина в братоубийственной войне - это трагедия. Трагедия и народа, и лично его, Ханжина, трагедия. Ведь начинал он, как и все предки его, оренбургские казаки, защитником этого самого народа, заступником русской земли. Герой русско-японской войны, герой первой мировой, кавалер орденов Святого Георгия 3 и 4 степени, Святой Анны 2 степени с мечами и 3 степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2 степени с мечами, Святого Владимира 4 степени, Французского ордена Почетного Легиона, «за службу и храбрость» награжденный золотым Георгиевским оружием. Еще были годы учебы в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, в Михайловском артиллерийском училище, в Михайловской артиллерийской академии. Он был рожден защищать свою землю, он учился ее защищать, и защищал достойно, а потом учил этому других, написав учебник для юнкеров по полевой артиллерии. Его ли вина, что Россия раскололась, и не было никакой возможности встать над схваткой?

В публикуемых ниже воспоминаниях дочери М.В.Ханжина Агнии Михайловны мы почти не найдем примет и свидетельств его душевных терзаний, не увидим его в боевых делах или занятым решением сложных военных и политичес-

ких задач. В этих бесхитростных, отрывочных, написанных по просьбе брата* спустя более семидесяти лет после непосредственных событий воспоминаниях М.В.Ханжин предстает не грозным военачальником, а любящим и заботливым отцом, главой многочисленного семейства, опекающим и оберегающим («выписал нас к себе», «встретил меня», «снял дачу», «ликвидировал квартиру и имущество»). Характерно и то, что в описаниях мемуаристики «папа» (М.В.Ханжин) полностью лишен каких бы то ни было индивидуальных черт, мы не узнаем, высок он или низок, красив или так себе, темен ли он или светел волосом. Так можно писать лишь о Боге, о Боге домашнем, привычном, чья любовь воспринимается и принимается как нечто само собой разумеющееся, но за которым востину как за каменной стеной.

Наверное, так и должно быть. Наверное, не будь такого, Ханжину нечего было бы защищать. Но у него был дом, была семья и любовь, была родина. Как была она и у нас. И грусть - словно по безвозвратно потерянному, по отнятому - испытываешь, когда впитываешь разлитые по воспоминаниям чувства родства, родственности, единения. Завидуешь их привязанности друг к другу, их памяти друг о друге, их смиренню и кротости. И неожиданна их свобода в выборе жизненного пути, и удивительно уважение к этому выбору, и восхищает всеобщая, бескорыстная и искренняя увлеченность искусством.

Не стоит забывать, однако, что автору воспоминаний в те роковые годы было всего 14-15 лет. Так что несмотря на час-

*Юрия Михайловича Ханжина, живущего ныне в Орске (см. «Оренбургская неделя» от 27 ноября 1992 г.) - В.С.